

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-357-387

РОЛЬ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1863 Г.

А.Ю. Бендин

Институт теологии

Белорусского государственного университета
220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 24
bendin26256@yandex.ru

В данной статье рассмотрены проблемы формирования религиозной составляющей польского восстания 1863 г. в Северо-Западном крае Российской империи. Проанализированы особенности взаимоотношений римско-католического духовенства и его паствы в процессе религиозной мобилизации участников восстания. Выявлены методы воздействия радикально настроенного духовенства на сознание и политическое поведение мирян. Показано, что духовная власть римско-католического клира использовалась для достижения политических целей освобождения Польши. Установлена взаимосвязь между религиозной мотивацией участников восстания и жестокостью, проявляемой к законопослушному населению в различных формах повстанческого террора и насилия. Автор приходит к выводу, что радикально настроенные ксендзы и монашествующие сумели превратить церковное вероучение в мобилизующую идеологию вооруженной борьбы, продемонстрировав способность формировать религиозную мотивацию для достижения насильственных политических целей. Религиозная легитимация, пропаганда и организация вооруженного мятежа превратили часть римско-католического клира Северо-Западного края в политических экстремистов. В статье рассматриваются ответные меры наказания, применяемые к мятежным представителям духовенства со стороны администрации М.Н. Муравьева, которые были продиктованы условиями военного положения, необходимостью защиты территориальной целостности государства, охранения жизни и собственности законопослушного населения. Российское правительство, армия, общество и православное население Литвы и Белоруссии воспринимали восстание как покушение польских сепаратистов на исконные русские земли. Поэтому для российской стороны цели начавшейся вооруженной борьбы виделись не в повторном возвращении чужого польского края, а в морально оправданной защите русской земли и проживавшего в ней единоверного и единокровного западно-русского народа. В этой связи автор при-

ходит к выводу, что в процессе подготовки и проведения восстания часть римско-католического духовенства Северо-Западного края выступила в качестве политического врага Российской империи.

Ключевые слова: польско-католическая элита, кзэндзы, сакральный статус римско-католического клира, М.Н. Муравьев

Введение

В январе 1863 г. на территории Царства Польского началось организованное вооруженное восстание, направленное против власти российского императора. Постепенно боевые действия стали распространяться и на Северо-Западный край России, получив наибольшее развитие в губерниях Ковенской, Гродненской и Виленской. В целом же это восстание ставило своей целью присоединение всего Западно-Русского края к независимому Царству Польскому¹. «Отвоевать Западную Русь – вот что составляло с самого начала главную, существенную задачу всего польского движения. Точка опоры была Варшава, но цель – Вильна и Киев»².

Для централизованного руководства восстанием было создано подпольное польское «правительство», находившееся в Варшаве. В Литве и Белоруссии восстание возглавил подпольный Литовский провинциальный комитет, который подчинялся польскому «правительству». Несколько позже этот комитет, находившийся в Вильне, был преобразован в исполнительный отдел,

¹ Северо-Западным краем неофициально называлась особая территориально-административная единица империи, созданная в начале 60-х гг. XIX в. в связи с нараставшей угрозой польского сепаратизма. В край входило шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская. Губернии Северо-Западного края подчинялись генерал-губернатору, резиденция которого находилась в г. Вильна (См. об этом: Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. / Пад рэд. Я.К.Новіка і Г.С. Марцуля. 3-е выд. Мінск, 2007. С. 278–279). Существовало и общее, неофициальное название – Западный или Западно-Русский край, в который наряду с Северо-Западным краем входил и Юго-Западный край с тремя малорусскими губерниями – Киевской, Волынской и Подольской (См.: Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям, составлен при Министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в Западных губерниях. 2-е изд., исправ. и доп. СПб., 1864). Использование автором двух названий региона (Северо-Западный край, Белоруссия и Литва) обусловлено терминологической традицией, сложившейся в дореволюционной западно-русской историографии (См.: *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 1–2).

² *Гильфердинг А.Ф.* В чем искать разрешение польскому вопросу // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. 1 / Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 31.

управляющий провинциями Литвы³. Руководители восстания делали ставку на дипломатическую и военную помощь со стороны Великобритании и Франции⁴. В самой империи расчет делался на католическое население Западного края, принадлежавшее к различным сословиям и этническим группам. Предусматривались также действия, направленные на разжигание социального недовольства крестьян условиями освободительной реформы 1861 г. и провоцирование их на вооруженный мятеж против правительства в Царстве Польском, Западном крае и центральной России. Таким образом, отделение Царства Польского и Западного края от России должно было осуществиться в результате разрушения территориальной целостности государства⁵.

Особое положение Северо-Западного края заключалась в том, что губернии, его составлявшие, в отличие от Царства Польского, входили в состав России как территории русские с преобладающим западно-русским (белорусы и малороссы), православным населением. Такой административно-территориальный порядок был установлен после 1815 г., когда по решению Венского конгресса было образовано автономное Царство Польское, связанное с Российской империей персональной унией⁶.

В этой связи российское правительство, армия, общество и православное население Литвы и Белоруссии воспринимали восстание как покушение польских сепаратистов на коренные, «искони русские» земли. Поэтому для российской стороны цели начавшейся вооруженной борьбы виделись не в повторном возвращении чужого, польского края, а в морально оправданной защите русской земли и проживавшего в ней единоверного и единокровного западно-русского народа. В польских повстанцах видели мятежников, изменивших присяге, данной императору Александру II, и посягавших на территориальную целостность России, православную веру и русскую идентичность коренного населения.

Идейно-политической и религиозной основой непримиримой враждебности польско-католической элиты (дворянство, шляхта и ксендзы) к России было отношение к императорской власти как чужеземной, навязанной извне, несмотря на то, что эта власть сохранила ее сословные привилегии, собственность и богатства. Потеря независимости Польского государ-

³ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М., 1965. С. 12, 32.

⁴ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. М., 2013. С. 72–73.

⁵ «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. М., 2008. С. 397.

⁶ Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. Варшава, 2005. С. 145, 122.

ства в границах 1772 г. переживалась «панами, ксендзами и шляхтой» как национальная трагедия. Соответственно, Литва и Белоруссия воспринимались этим «элементом» как польский край, насильственно «забранный» Россией у Польши в 1772–1795 гг.

В свою очередь, римско-католическое духовенство не могло примириться с утратой господствующего правового статуса и особыми привилегиями, которыми оно обладало в бывшей Речи Посполитой. И духовенство, и епископат Римско-католической церкви не желали принять свой новый правовой статус церкви, хоть и «покровительствуемой» православным императором, но только «терпимой»⁷. Еще труднее для них было признание «господствующего» статуса Церкви Православной, которая, с точки зрения «истинной» Римско-католической церкви, было церковью «схизматической», а в социальном отношении «хлопской» и «мужицкой»⁸.

Римско-католическое духовенство Северо-Западного края, состоявшее из представителей различных этнических групп, сознавало и позиционировало себя как польское, отождествляя конфессиональную принадлежность с этнической идентичностью. Данное обстоятельство превращало католический клир в организованную национальную силу, способную объединять разнообразное этническое население региона, его высшие и низшие сословия для достижения польских политических целей⁹.

В целом же свое положение польско-католическая элита края оценивала в категориях политического, национального и религиозно-культурного угнетения, которому подвергались европейцы-поляки со стороны азиатской и деспотической России. Отсюда и высокомерное, презрительное отношение высшей «польской цивилизации» к православию как «вере хлопской, схизматической», к русскому языку и русской культуре, к русским, которых пренебрежительно называли «москалями», «москвитянами», «варварами» и «монголами»¹⁰. Отсюда и жажда реванша, военного и

⁷ Свод законов Российской империи. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. О управлении духовных дел христиан римско-католического исповедания. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 1, 11–133.

⁸ Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. 2 / Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 278; Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 16. С. 572; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 34.

⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 3–4.

¹⁰ Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора. В 3 т. СПб., 1883. Т. 1. С. 37; *Прудон П.* О польском вопросе // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 85; Манифест Центрального комитета от 22 января 1863

политического, стремление к освобождению края от русской власти и присоединению его к освобожденному Царству Польскому, и реванша религиозного в форме восстановления унии, упраздненной на территории России решениями Полоцкого собора 1839 г.¹¹

Пропагандистская мобилизация повстанцев проходила под знаменами восстановления польской независимости, лозунгами социального популизма, защиты католической веры и воинствующей русофобии. Объектом политической и религиозной ненависти явился созданный пропагандой демонический образ «москаля» – врага политического, этнического и религиозного¹².

Особенность польского восстания 1863–1864 гг. заключалась в том, что в массовом вооруженном выступлении, организованном в Северо-Западном крае Российской империи, присутствовала ярко выраженная *религиозная составляющая*. А именно – в восстании, носившем политический характер, приняло участие римско-католическое духовенство, которое преследовало религиозные и политические цели, используя для этого клирикальные методы мобилизации, управления и контроля. Поэтому целью предпринятого исследования является изучение особой, сакрально-идеологической роли римско-католического клира в политическом «рекрутировании» сторонников польской независимости, в подготовке и проведении восстания, во взаимосвязи религиозной составляющей восстания с жестокостью и насилием в отношении лояльного России населения края.

Изучение истории польского восстания 1863 г. и его религиозной составляющей началось еще в русской дореволюционной историографии. Историки, публицисты и очевидцы событий определяли его как «национально-религиозный мятеж» на том основании, что в восстании приняли участие различные группы католических священнослужителей и монашествующих¹³.

В работах советских историков, посвященных изучению восстания в Литве и Белоруссии, в качестве методологического принципа использовал-

года // Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 439. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

¹¹ Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной церковью западно-русских униатов: сборные деяния и торжественные служения в 1839 году. СПб., 1889. С. 3–15.

¹² ЛГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 12. Л. 114, 123, 165; Революционный подъем в Литве и Белоруссии. М., 1964. С. 133.

¹³ Турцевич Ар. Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1898. С. 21; Белецкий А.В. Римско-католические епархиальные семинарии: Виленская и Тельшевская. Вильна, 1887. С. 4; Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России. Т. 1. Вильна, 1867. С. 214; Мосолов А.Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг.: (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 145.

ся, как правило, «классовый подход»¹⁴. Так, исследователь В.М. Зайцев, изучая социальный состав участников вооруженных антиправительственных выступлений, выявлял степень «революционности» каждого сословия, исходя из количества репрессированных. Он приводит следующие расчеты: «На долю дворянского сословия, составлявшего 5,99 % населения Литвы и Белоруссии, приходится свыше 62% всех репрессированных или один репрессированный на 43 человека ... Представители численно преобладающего крестьянского сословия составляют 22,36 % всех репрессированных, а мещанского, второго по численности среди населения – 5, 72%. У крестьян один репрессированный приходится на 1051, а у мещан – на 758 человек мужского пола... На долю католического духовенства, составлявшего 0,16 % населения, приходится 3,35 % репрессированных, или один репрессированный на 16 служителей католического клира. Это духовенство, приходы которого охватывали около 40% населения, в значительной части участвовало, либо сочувствовало восстанию»¹⁵.

Историко-статистические данные, полученные В.М. Зайцевым в процессе выполнения конкретных научно-исследовательских задач, позволяют с известной долей условности определить социальное разнообразие участников восстания в Северо-Западном крае. Однако опыт изучения политического поведения различных сословий с помощью «классового подхода» не обладает должной объяснительной силой. Точно так же и приведенные количественные показатели о репрессиях не позволяют раскрыть особую роль, которую играло римско-католическое духовенство в организации и проведении восстания. В этой связи хотелось бы отметить, что традиционно высокое положение католического клира в обществе, наличие у него сильной духовной власти над паствой не дают оснований статистически уравнивать ксендзов и монашествующих с участниками восстания из светских сословий. Роль духовенства в событиях 1863 г. такова, что позволяет говорить о наличии религиозной составляющей вооруженного восстания в Северо-Западном крае Российской империи.

Невысокий объясняющий эффект имеют и описания поведения римско-католического духовенства во время восстания 1863 г. в «национальной» белорусской историографии. Авторы, в основном, делают акцент на изучении фактов религиозного служения католического духовенства в повстанческих отрядах в качестве военных капеланов, совершавших богослужения

¹⁴ Байкова С.М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии // Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран). М., 1970. С. 226–227, 249–253; Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. С. 106, 114.

¹⁵ Зайцев В.М. Социально-сословный состав... С. 16.

и исправлявших церковные требы для повстанцев. Рассматриваются вопросы участия ксендзов в подпольном движении, снабжении повстанцев деньгами и продовольствием. Внимание исследователей, в том числе и российских, привлекают также темы, связанные с репрессиями против ксендзов, участвовавших в восстании, и положением их ссылке¹⁶.

Однако сосредоточенность исследователей на изучении указанных сюжетов сужает возможности всестороннего изучения научной проблемы, которую представляет собой религиозная составляющая восстания. В этой связи возникает необходимость вывести исследование на качественно новый уровень, позволяющий выявить роль римско-католического духовенства как коллективного агитатора и организатора, обладающего особыми каноническими возможностями для управления вверенной ему паствой в политических целях.

Религиозная мотивация восстания, особенности ее формирования и воплощения в Северо-Западном крае Российской империи

Для начала необходимо выяснить, что представляла собой духовная власть римско-католического клира. С принятием священнического сана ксендз «по особому дару Святого Духа» получал «священную власть» совершать таинства Римско-католической церкви. При этом следует подчеркнуть, что Римско-католическая церковь только себя считала истинной Церковью Христовой, в которой присутствует спасительная благодать. Согласно учению этой Церкви, «помазание Духа Святого... уподобляет его (священника) Христу-Священнику, и делает способным действовать в лице Христа-Главы. ... пресвитер посвящен, чтобы проповедовать Евангелие, пасти верных и совершать литургию». Поставленный именем Христа, чтобы «пасти Церковь словом и благодатью Божией», ксендз должен был

¹⁶ *Карпович О.В.* Участие духовенства в повстанческом движении на белорусских землях в 1863 г. // *Хрысціянства ў гістарычным лесе беларускага народа: зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь; ГрДУ імя Я. Купалы; Ін-т гіст. НАНБ; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна, 2008. С. 116–119; Антановіч З., Гарбачова В.* Паўстанне 1863–1864 гг. у лесе рымска-каталіцкага святарства Беларусі // *Arche*. 2010. № 12. С. 186–202; *Яноўская В.* Хрысціянскае духавенства Беларусі ў паўстанні 1863–1864 гг.: гістарыяграфія праблемы // *Arche*. 2010. № 12. С. 269–283; *Антановіч З.В.* У барацьбе за веру: Паўстанне 1863–1864 гг. у лесе ксяндза Антонія Пшыялгоўскага // *ARCHE*. 2010. № 12. С. 95–98; *Яноўская В.В.* Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. Мінск, 2002 и др.

использовать «священную власть», полученную «от имени и властью Христа», для «служения Наро́ду Божию»¹⁷.

Отношения между духовенством и паствой на приходах основывались на духовной дисциплине, которая предусматривала строгий порядок подчинения мирян власти ксендза, который получал право повелевать и требовать повиновения от прихожан в сфере религиозно-нравственной жизни. Важнейшим инструментом духовной власти римско-католического клира над паствой являлось «могущественное оружие исповеди». Об этом заявляли сами священнослужители. Например, патер Ромонини в 1865 г. в Турине, в присутствии многочисленных слушателей открыто высказал с церковной кафедры, что «правительство не должно забывать, как громадна сила духовенства, владеющего исповедью». Неудивительно, что ксендз становился для мирян единственным провозвестником воли Божией. Устами ксендза во время таинства исповеди говорил сам Бог.

Поэтому веления ксендза, хотя бы они и не касались прямо области религиозно-нравственных отношений, подлежали неременному исполнению, обладая приоритетом перед какими бы то ни было требованиями гражданской власти. Колоссальное влияние ксендзов на народ приводило к тому, что отношение духовенства к правительственной власти в значительной степени определяло и отношение к правительству народа, которым оно руководило¹⁸. Таким образом, духовная дисциплина в руках римско-католического клира становилась инструментом управления паствой, который можно было использовать как для религиозных, так и для светских, политических целей.

Примером такой клерикально-политической практики служили призывы мирян к вооруженному восстанию против России, которые произносились носителями священного сана «от имени и властью Христа». С этой целью религиозная пропаганда наряду со светской создавала образ России как исторического, политического и религиозного врага независимости Польши. Поэтому «мятеж пустил более прочные корни там, где гуще стояли костелы». На данное обстоятельство обратил внимание В.Ф. Ратч, один из первых исследователей, изучавших историю польского восстания в Северо-Западном крае. По его словам, «костел свою хоругвь обратил в знамя бунта», а «простолюдин считает смертным грехом не идти за своим пастырем»¹⁹.

¹⁷ Катехизис Католической церкви. Компедиум. М., 2007. С. 103–105.

¹⁸ *Белецкий А.В.* Римско-католические епархиальные семинарии... С. 3.

¹⁹ *Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России. Вильна, 1867. Т. 1. С. 250.

Совпадение политических и религиозных целей вооруженного восстания привело к тому, что политические экстремисты (которых называли «красные») получили организационную и пропагандистскую поддержку части римско-католического клира. Политический экстремизм получил высшую, божественную санкцию. Парадоксальность ситуации, которая сложилась в Северо-Западном крае, заключалась в том, что христианские священнослужители, наделенные «священной властью» для «служения Народу Божию», использовали эту власть не по своему прямому назначению.

Предусмотренная церковным вероучением обязанность «пасти верных» выполнялась отнюдь не в духе христианской любви, законопослушности и милосердия. Сакральные цели служения Богу оказались подчиненными выполнению конкретных мирских задач – вооруженной борьбе за освобождение Польши и аннексии Северо-Западного края России. Это произошло в результате идеологической интерпретации церковного вероучения, которая позволила использовать духовную власть римско-католического клира для достижения националистических и сепаратистских целей.

Уже в процессе подготовки восстания возник своеобразный союз политических экстремистов – «красных» и представителей римско-католического клира. Объединенные усилия клириков и светских «революционеров» преследовали цель максимального расширения социальной базы восстания с помощью мобилизации католиков и бывших униатов из всех социальных и этнических групп, населявших обширный Северо-Западный край. К тому времени польский костел уже имел опыт организации манифестаций, имевших общесословный и общенациональный характер, которые проходили в 1861 г. в рамках мирных антиправительственных протестов. Готовя свою паству к вооруженному мятежу, ксендзы использовали опыт клерикальной и национальной мобилизации верующих, показавший ранее свою политическую эффективность в противостоянии с властью «москалей и схизматиков»²⁰.

Польское дворянство края, ставшее на путь вооруженной борьбы за восстановление независимости Польши, делало, как правило, свой выбор политически осознанно, движимое глубоко усвоенными национально-патриотическими идеями. Однако для представителей низших сословий идейно-политическая мотивация, необходимая для решимости взять в руки оружие, не играла ведущей роли. Для этих, практически неграмотных «простолюдинов» из католической паствы, политические лозунги восстановления независимой Польши не обладали должной притягатель-

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 811. Оп. 1. Д. 67. Л. 3–7, 14, 30; Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг... С. 198.

ной силой. В своей пропагандистской работе подпольное польское «правительство» учитывало данное обстоятельство. Для мелких шляхтичей и крестьян, готовых выступить против России, пропаганда предлагала бесплатные земельные наделы и даже дворянство²¹. Вместе с тем, учитывался и такой важный социально-психологический феномен, как «религиозный фанатизм» католического населения, особенно распространенный среди литовцев Ковенской губернии, где духовная власть духовенства над паствой была необыкновенно сильна²².

В этой связи чрезвычайно актуальным средством формирования необходимой мотивации для участия в вооруженном восстании становилась деятельность римско-католических священнослужителей, обладавших эффективной сакральной властью над своей паствой. Им предстояло поднять религиозные знамена восстания и призвать своих прихожан к защите угнетаемого «москалями» костела. Религиозно-политическая проповедь и патриотические призывы ксендзов наиболее эффективно воздействовали на мелкую шляхту, крестьян, мещан и фанатично настроенное литовское население Ковенской губернии. В.Ф. Ратч отмечал: «Костел взял на себя почин втягивать простолудинов в мятеж»²³. С этой целью использовались клерикальные методы политической мобилизации мирян из низших сословий. Для них православные «схизматики и москали» были представлены как враги католической веры, которые совершали кощунства, святотатства и поругание церковных святынь, для защиты которых необходимо восстановление независимого Польского государства в границах 1772 г. Поэтому жертвование собой во имя религиозных и патриотических целей освобождения польской Родины являлось делом святым и богоугодным»²⁴.

«Громадное число лиц духовного звания, фактически уличенных в сочувствии к мятежу, – отмечал генерал-майор А.Л. Потапов – ясно указывает, что духовенству польская пропаганда, преимущественно, обязана успехом. ... Располагая такими могущественными орудиями, как исповедь

²¹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг... С. 20.

²² *Мосолов А.Н.* Виленские очерки. 1863–1865 гг.: (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 107–108; Из бумаг графа М.Н. Муравьева. СПб., 1898. С. 44–46.

²³ *Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России... С. 215.

²⁴ *Байкова С.М.* О движущих силах восстания 1863 г... С. 250; *Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России... С. 123–124, 129, 212–213; *Мосолов А.Н.* Виленские очерки. С. 107–108; Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях / Сост. Н.И. Цылов. Вильна, 1866. С. II, 105; Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева / Сост. А.В. Белецкий. Вильна, 1906. Т. 1. С. XLIII, LI–LV; Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края / Сост. А.И. Милонидов. Вильна, 1913. Ч. 1. С. XXXIX–XL, XLVIII–XLIX.

и присяга, духовенство беспрепятственно действовало на все сословия, раздувало фанатизм политический посредством фанатизма религиозного»²⁵.

Клерикальные методы, применяемые ксендзами с целью вовлечения мирян в вооруженное восстание, отличались многообразием. Наиболее эффективным из них было зачитывание в костелах манифестов подпольного польского «правительства» с призывом к вооруженному мятежу против законной власти российского императора. Отказавшись от присяги Александру II и перейдя на сторону его врагов, ксендзы приводили католиков к новой присяге на верность польскому «правительству». Они призывали, убеждали и вдохновляли свою паству выступить с оружием в руках против России. Ксендзы принимали участие в финансировании и материальном снабжении подпольных организаций и отрядов мятежников, благословляли их оружие и знамена, совершали богослужения о даровании победы над врагами Польши²⁶. Особое «фанатизирующее» влияние целибатные ксендзы оказывали на женщин, а те, в свою очередь, посылали в подпольные организации и в отряды повстанцев своих сыновей, мужей и братьев²⁷.

Известен случай, когда ксендзы в пропагандистских целях сочиняли и распространяли среди крестьян Ковенской губернии ложные слухи о небесных знамениях, свидетельствовавших, что «Матерь Божия окажет чудеса в Царстве Польском и благословит восстание»²⁸. Тем самым духовенство брало на себя не только практические функции организации восстания и создания его массовой социальной базы, но и давало высшую, божественную санкцию действиям мятежников и подпольного польского «правительства»²⁹.

²⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 248. Л. 37–38.

²⁶ Виленский вестник. 23 мая 1863 г.; Виленский вестник. 10 сентября 1863 г.; ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 67. Л. 30–32; ЛГИА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 128. Л. 6, 11–26; Там же. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 1785. Л. 1–36; Там же. Оп. 1864. Д. 649. Л. 1–2; Там же. Д. 836. Л. 3–4; Там же. Д. 929. Л. 164–165; Там же. Д. 1138. Л. 12–14; Там же. Д. 1352. Л. 1–2; Там же. Д. 1368. Л. 1–4; Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг... С. 202.

²⁷ Турцевич Ар. Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1898. С. 21. *Белецкий А.В.* Римско-католические епархиальные семинарии... С. 4.

²⁸ ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 67. Л. 3–7 об.

²⁹ Вот, например, как сочетались политическая и религиозная риторика в присяге повстанцев Гродненской губернии: «Присягаем во имя Пресвятой Троицы и клянемся на ранах Христа, что нашей Родине Польше будем служить верно, и исполнять, во имя того же отечества Польши, все приказания, предписанные нам начальниками, распоряжений же грабительского Московского правительства слушать не будем и, насколько возможности и сил хватит, мы обязуемся помогать польскому войску и повстанцам, так нам да поможет Бог, в Пресвятой Троице Единый, Матерь Божия и все святые. Аминь» // См.: Архивные материалы Муравьевского музея. Вильна, 1913. Ч. 1. С. 349.

В результате возник двойной феномен, характерный для религиозной составляющей восстания. С одной стороны, политический радикализм католического клира, с помощью которого осуществлялась пропаганда антироссийских и русофобских идей и настроений. С другой, политический экстремизм части этого клира, который использовал авторитет священного сана и свою духовную власть для подготовки и проведения вооруженного мятежа с целью аннексии Северо-Западного края России³⁰. А.И. Лясковский отмечал: «При каждом отряде, даже самом незначительном, находился католический священник. Священники исполняли не только религиозные требы для повстанцев, они воспитывали их в необходимости строгого повиновения начальству, поддерживая в них патриотический дух. Многие ксендзы сражались вместе с повстанцами с оружием в руках, а некоторые были и предводителями отрядов»³¹. Так, в Ковенской губернии многочисленными отрядами повстанцев командовал ксендз А. Мацкевич. В Новогрудском уезде Минской губернии отряд польских повстанцев возглавлял ксендз Ф. Лашкевич³². В Брестском уезде приобрел известность отряд бывшего воспитанника духовной семинарии Стасякевича. В Скидельской волости Гродненской губернии повстанческим движением руководил местный ксендз Чепович³³. В Лидском уезде Виленской губернии отрядом повстанцев командовал ксендз Горбачевский³⁴. Таким образом, в процессе подготовки и проведения восстания политический радикализм римско-католического духовенства принимал формы политического экстремизма, находившего свое проявление в различных формах участия ксендзов в военных действиях и терроре повстанцев.

Участие римско-католического духовенства в антиправительственных вооруженных выступлениях в Царстве Польском и Западном крае не

³⁰ Мосолов А.Н. Виленские очерки... С. 145; Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже... С. 214; Виленский вестник. 12 февраля 1863 г.; Архивные материалы Муравьевского музея. Вильна, 1913. Ч. 1. С. 261, 267–268; Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в «Московских ведомостях» в 1863 г. // Ученые заметки ТОГУ. 2011. Т. 2. № 2. С. 92–93; Русин. Голос Русского. Ответ «ксендзу-русину» // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1864. Т. IV. С. 28–29.

³¹ Лясковский А.И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин, 1939. С. 80–81.

³² Байкова С.М. О движущих силах восстания 1863 г. ... С. 250.

³³ Карпович О.В. Участие духовенства в повстанческом движении на белорусских землях в 1863 г. // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народу. Пад рэд. Марозвай С.В., Ярмусік Э.С. Гродна, 2008. С. 116–119.

³⁴ Щеглов Г., диакон. Жертвы польского восстания 1863–1864 годов // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XV / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2013. С. 243.

вызвало негативной реакции Святого Престола. Наоборот, Папа Римский Пий IX обратился с личным письмом к императору Александру II, жалуясь на стесненное положение, в котором оказалась Римско-католическая церковь в России. Император, отвечая Папе Римскому, напомнил о том, представители католического клира принимают участие в мятеже против законной власти. „Этот союз пастырей церкви с виновниками беспорядков, угрожающих обществу, – одно из возмутительнейших явлений нашего времени, – писал Александр II, – Ваше святейшество должны не менее меня желать его прекращения»³⁵. Однако Папа не осудил восстание и противоправные действия ксендзов, ограничившись указанием, чтобы «были принесены особые молитвы за несчастную Польшу, которую он с прискорбием видит в настоящую минуту позорищем резни и крови»³⁶.

Религиозные мотивы, которые внесло римско-католическое духовенство в процесс организации мятежа и освящение вооруженной борьбы способствовали не только росту численности повстанцев. Одновременно происходило и нарастание жестокости, находившей свое проявление в повстанческом терроре и насилиях над законопослушным и преданным монарху населением Северо-Западного края³⁷.

Средством борьбы с местным населением, которое сохраняло лояльность России, повстанцы избрали архаически жестокие и зачастую показательные расправы. Мятежники мучали, пытали и вешали мужчин, женщин и подростков, засекали своих жертв плетью до смерти, топили в болоте, зарывали живыми в землю, жгли местечки и деревни, грабили крестьян, пытаясь своей беспримерной жестокостью заставить жителей края перейти на сторону подпольного польского «правительства»³⁸. По имеющимся не-

³⁵ *Широкопад А.Б.* Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003. С. 32.

³⁶ Виленский вестник. 10 сентября 1863 г.

³⁷ Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 488, 491, 496; *Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. // Русская старина. 1882. № 11. С. 400, 406; Из бумаг графа М.Н. Муравьева. СПб., 1898. С. 44–45; Виленский вестник. 12 февраля, 1863; Там же. 25 мая 1863.; Там же. 1 июня 1863; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 12, 18, 33, 50, 72; Там же. Оп.1864. Д. 2096. Л. 5; *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 66–86, 144–154; *Сидоров А.А.* Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 228; Сборник распоряжений графа Муравьева... С. 105–106.

³⁸ ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 67. Л. 26, 27, 33, 34, 36; Там же. Ф. 811. Оп. 1. Д. 67. Л. 35–36; Виленский вестник. 7 мая 1863 г.; Виленский вестник. 29 августа 1863 г.; Виленский вестник. 24 сентября 1863 г.; Архивные материалы Муравьевского музея. Вильна, 1913. Ч. 1. С. 405; Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной церковью западно-русских униатов... С. 67; *Орловский Е.* Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии. 1831–1835 и 1863–1865 гг.

полным данным, палачи из повстанческих отрядов до конца осени 1863 г. казнили в Северо-Западном крае около 600 человек из различных сословий, вероисповеданий и этнических групп³⁹. Однако большинство жертв, страданий и унижений выпало на долю православного населения. В период восстания мятежники повесили трех православных священников – Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого, Константина Прокоповича и псаломщика Феодора Юзефовича. Многие православные священнослужители стали жертвами насилий и издевательств со стороны мятежников⁴⁰. Инициаторами террора против православного духовенства и мирян нередко выступали и католические священнослужители.

Например, в убийстве 23 мая 1863 г. в местечке Сураж Гродненской губернии православного священника Константина Прокоповича принимали участие ксендзы Белостокского уезда Моравский, Суражского костела Феликс Кринский и Александр Косаковский из Августовской губернии. В общей сложности в этом преступлении участвовало 14 человек – 3 ксендза, 2 крестьянина, 2 шляхтича, 6 мещан и 1 помещик. На совести отряда ксендза Горбачевского только в Лидском уезде Виленской губернии, по меньшей мере, три убийства мирных обывателей, совершенных с изуверской жестокостью: перед тем, как повесить трех крестьян, их пытали и выкололи глаза. Не меньшими зверствами отличались отряды ксендза Антония Мацкевича в Ковенской губернии. Своих жертв, приговоренных им же к смерти, он лично исповедовал и причащал⁴¹.

Повстанцы-католики, которыми командовал Мацкевич, с особой ненавистью и злобой относились к великорусским старообрядцам, которые во время восстания оказали активную поддержку российскому правительству. По сообщению одного из сотрудников виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: «Осенью 1863 г., когда террор в крае был в сильнейшем развитии, жертвами его в Ковенской губернии были преимущественно старообрядцы, жившие в отдельных фольварках, отдаленных один от другого. В одну ночь в окрестности Ибяны, недалеко от Ковно, их было повешено мятежниками, при жестоких истязаниях, одиннадцать человек»⁴².

Гродно, 1898. С. 26; *Карпович О.В.* Репрессии в отношении участников восстания 1863–1864 гг.: правда и вымыслы // Вестник Брестского государственного технического университета: научно-теоретический журнал. 2011. № 6. С. 33–35.

³⁹ *Сидоров А.А.* Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 228; *Мосолов А.Н.* Виленские очерки... С. 27.

⁴⁰ *Щеглов Г. диакон.* Жертвы польского восстания 1863–1864 годов // Русский сборник: Исследования по истории России... Т. XIV. М., 2013. С. 224–246.

⁴¹ *Карпович О.В.* Репрессии в отношении участников восстания... С. 34.

⁴² *Мосолов А. Н.* Виленские очерки... С. 112.

О проявлениях политического экстремизма и демонстративной жестокости в действиях католических священнослужителей российским читателям становилось известно из сообщений «Северной почты», «Русского инвалида», «Московских ведомостей», газеты «День», «Виленский вестник» и др. Западноевропейский читатель о противоправной деятельности римско-католического духовенства узнавал из публикаций российского официального издания «Journal de St. Pétersbourg», полуофициальной газеты «Le Nord»⁴³, издававшейся в Брюсселе, газет «Neue Preussische Zeitung» и «Morning-Herald», которые достаточно объективно относились к событиям польского восстания». Вот образец такой публикации: «И кто же предводительствовал этими преступными шайками? Кто, после организации стал в их главе? Кто собирал деньги на приобретение оружия? Кто зажигал деревни и силой заставлял всех, достигших полного возраста, но не желавших принимать участие в восстании? Кто? Пусть христианская Европа узнает об этом: *духовенство*. Кто провозглашал восстание? Кто вписывал заговорщиков и принимал от них деньги? Кто угрожал смертью или пожаром спокойным и безоружным земледельцам? Кто совершал богослужения в лесах и заранее давал разрешение на убийство русских? Пусть Европа и христианский мир и это узнают: *духовенство*, служители Господа, мира и любви»⁴⁴.

Таким образом, часть римско-католического духовенства сыграла важную мобилизующую и организаторскую роль в подготовке и проведении восстания, способствуя расширению его социальной базы, созданию повстанческих отрядов, росту насилия и жестокости в отношении к законопослушному населению Северо-Западного края.

Политическая пропаганда восстания: светские дилетанты и церковные профессионалы

Идейно-пропагандистская деятельность римско-католического духовенства не ограничивалась конфессиональными рамками своей Церкви. Объектом пропагандистского воздействия становились также православное духовенство и миряне, ранее принадлежавшие к Униатской церкви. Следует отметить, что и литовские «комиссары» подпольного польского «правительства» широко использовали униатскую тему в своей пропагандистской работе. Среди православного населения распространялись раз-

⁴³ Ронин В.К. Русская публицистика в Бельгии в середине XIX века // Славяноведение. 1993. № 4. С. 4–13.

⁴⁴ Виленский вестник. 12 февраля 1863 г.

личные воззвания и листовки, в которых содержались обещания восстановить на территории аннексированного края Униатскую церковь, упраздненную решениями Полоцкого собора в 1839 г.⁴⁵

Польская пропаганда ставила своей целью превратить униатский соблазн в религиозный мотив, чтобы с его помощью вовлечь православное население в вооруженную борьбу против России. В роли религиозного соблазнителя выступил светский «революционер» В. Калиновский, подпольно издававший агитационный листок «Мужыцкая праўда». В нем он писал следующее: «Сказывают люди, что Святой Отец прямо из Рима прислал к нам свое благословение (но Москаль его задерживает), говорят, что придет и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в Бога, Сына Его и Святого Духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходит в истинную веру дедов и прадедов. Потому, кто не перейдет в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!»⁴⁶.

При этом и «революционный демократ» Калиновский, и католические священнослужители прибегали к пропагандистской лжи и фальсификациям фактов, стремясь представить православного «москаля» в роли «гонителя» христианской веры, единственным истинным носителем которой является Римско-католическая церковь. И церковная проповедь, и светская пропаганда выполняли в этом восстании общую провокативную роль, ставя своей целью разжигание политической, религиозной и этнической ненависти к российскому правительству, православию и русским (великороссам), объединяя их в одном собирательном образе «москаля поганого».

При этом следует учесть одно немаловажное обстоятельство. Светские революционеры, включая и В. Калиновского, были дилетантами в подпольной пропагандистской работе. Листовки, обращенные к различным группам населения Северо-Западного края, писались не профессиональными публицистами, а доморощенными революционными пропагандистами, которые стремились любыми средствами привлечь к вооруженной борьбе с правительством как можно большее количество лиц из разных сословий и вероисповеданий.

Ксендзы же, взявшие на себя роль духовных подстрекателей восстания, в отличие от мирян-революционеров, являлись профессиональными проповедниками, усвоившими правила риторики и гомилетики и успешно применявшими их в своем духовном служении.

Религиозная проповедь, произнесенная авторитетным духовным лицом, традиционно являлась эффективным средством христианского вос-

⁴⁵ Виленский вестник. 8 июня 1863 г.; Восстание в Литве и Белоруссии... С. 26, 30.

⁴⁶ Революционный подъем в Литве и Белоруссии. М., 1964. С. 133.

питания паствы и усвоения ею основ вероучения Римско-католической церкви. Однако в костелах Северо-Западного края проповедь слова Божия утратила свое прямое религиозное предназначение и стала служить светским целям. Проповедуя Евангелие, духовенство одновременно призывало мирян к государственной измене и вооруженному восстанию во имя возрождения свободной Польши в границах 1772 г.

Политическая пропаганда профессиональных служителей Церкви, эмоционально насыщенная, яркая, образная, с использованием сакральной христианской символики, цитат Священного Писания и патриотической риторики, была гораздо более убедительной и эффективной, нежели примитивные агитки никому неведомого «Яськи, хозяина из-под Вильно», этакого персонажа из народа, под маской которого скрывались польские дворянские пропагандисты, неумело рядившиеся в домотканую мужицкую свитку.

Евангелие не содержит высказываний, которые можно было истолковать как призыв к вооруженной борьбе с существующей государственной властью. Наоборот, согласно учению первоверховного апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему, противящийся власти, противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13:1–2). Об этом же говорит и св. апостол Петр: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым» (1 Пет. 2:13–14). Приведенные цитаты из посланий святых апостолов исключали, по сути, возможность агитации священнослужителей в пользу вооруженного мятежа, направленного против власти российского императора – «христианского государя»⁴⁷.

Однако ксендзы, принявшие сторону восстания, не только отступали от духа и буквы евангельского учения о власти, но и наделяли «москалей» и «схизматиков» такими демоническими чертами, чтобы возмущенная паства выказала решительную готовность немедленно взяться за оружие. Для того, чтобы развеять всякие сомнения в необходимости восстания, нужно было увериться самим и убедить католиков-мирян в том, что установленная над Польшей власть российского императора не от Бога, что «эта власть завоевательная, наметная по допущению Божию»⁴⁸. На этом ос-

⁴⁷ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1, 41–42.

⁴⁸ Советы ксендза Фелинского // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / Сост. С.В. Шолкович. Вильна, 1885. С. 33.

новании примкнувшие к восстанию ксендзы могли присваивать себе право разрешать католиков от присяги, данной ими императору Александру II, и приводить их к присяге подпольному польскому «правительству».

Ключевым элементом этой подстрекательской, профессиональной пропаганды, как устной, так и письменной, стали изобретенные политические мифы о религиозной нетерпимости, которую испытывают к римско-католической вере российское правительство и «схизматическое» православие. Прагматика мифов заключалась в том, чтобы представить «схизматическую» российскую власть в качестве злобного и беспощадного гонителя веры, которая преследует католиков только потому, что они поляки, «верующие в Евангелие и Христа, следующие учению Римско-католической церкви».

Один из пропагандистских мифов о религиозной нетерпимости к католикам основывался на предвзятой, негативной интерпретации событий воссоединения униатов Западного края с православием. Своеобразным духовным плацдармом политической пропаганды католического духовенства стало Царство Польское, в котором Униатская церковь сохраняла свои прочные позиции. Мятежные униатские священники Царства избрали объектом своей пропаганды не только свою паству, но и бывших униатов Северо-Западного края – священников и мирян, которых сначала призывали к поддержке польского ирредентизма, а затем и вооруженного восстания с целью отторжения края от России и присоединения его к Польше. Представители этого духовенства, как и светские лидеры восстания, понимали, что воссоединение с православием свыше полутора миллионов униатов Северо-Западного края существенным образом сузило мобилизационные возможности католического клира по вовлечению крестьян в вооруженную борьбу с правительством. Иными словами, решения Полоцкого собора 1839 г. канонически ограничили потенциальную социальную базу восстания в крае конфессиональными рамками Римско-католической церкви⁴⁹.

Поэтому политическая пропаганда профессионального, церковного происхождения, формируемая в Царстве Польском, использовала униатский фактор восстания двояко, для внутреннего и внешнего употребления. Так, для мобилизации повстанцев-униатов в Царстве Польском в пропаганде использовались мифы о религиозных гонениях, происходивших в Северо-Западном крае в период упразднения унии «схизматиками-москалями». Сообщения об ужасах гонений, обрушившихся на западно-русских единоверцев-униатов, вплетались в повествования о кощунствах над святынями католичества, совершаемых русскими в Варшаве в 1861 г. Как следствие,

⁴⁹ Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. ... С. 114.

созданный пропагандистский миф получал четкую идейную завершенность и прагматическую направленность.

С точки зрения задач внешнего характера, церковная пропаганда, исходившая из Царства Польского, должна была решить трудную проблему – сформировать религиозную мотивацию для участия в вооруженном восстании бывших униатов Северо-Западного края. Для этого понадобились мифы о принудительном характере воссоединения униатов с православием и о православных, покаянно ждущих от польского «правительства» возвращения долгожданной спасительной унии.

Ярким примером провокативной политической пропаганды служит проповедь униатского священника, служившего в Холмском крае Царства Польского⁵⁰. В этой мастерски составленной проповеди процесс мирного воссоединения униатов с Православной церковью предстает как массовое религиозное насилие, совершенное над христианской совестью униатских священников и мирян. «Николай первый, московский царь, достойный посланник ада, хотел нас всех научить веровать по-московски. Когда это ему в нынешней нашей Польше не удалось, по причине сильного сопротивления, встреченного в ксендзах и обывателях, он решился за Бугом всех обратить в схизму. Ах! Какие ужасы там делались! Брали униатских ксендзов, морили голодом и жаждой до тех пор, пока они не обратились в схизму, а кто не хотел отречься от своей веры, того публично подвергали телесному наказанию. Одних вывезли в снежные пустыни, других то утопили, то повешали на деревьях, то закололи штыками».

И далее, с профессиональным умением вызывать необходимые в данном случае чувства религиозно-политической ненависти к «москалю», автор живописует о потрясающих воображение страданиях за «святую римско-католическую, польскую христианскую веру», которые претерпели униаты от «схизматиков». Составитель проповеди нарочито проводил прямые параллели между жестокими гонениями на христиан, которые устраивали языческие римские императоры, и вымышленной им картиной мучений униатов, совершаемых «гонителем Церкви Божией» императором Николаем I.

Проповедь ксендза заканчивалась открытым, страстным призывом к вооруженному восстанию против «москалей»: «Теперь не слышали ли вы,

⁵⁰ А.И. Миловидов писал по этому поводу: «Эта возмутительная по своей дерзости, исторической лжи и подтасовке фактов проповедь, в литографированном виде имела широкое распространение в Северо-Западном крае (1861–1863 гг.), варьировалась в зажигательных проповедях ксендзов, служила им образцом, а нахождение ее при обысках служило документальным доказательством причастности к революционному движению тех лиц, у которых производился обыск» // См: Архивные материалы Муравьевского музея. Ч. 1. Вильна, 1913. С. 26.

что делается в Варшаве? Убили нескольких светских особ, мужей, у которых были жены, матерей, у которых были дети, сестер, у которых были братья и, наконец, польских ксендзов. В праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы москали ворвались на лошадях в самое преддверие церкви, оскверняя святое место, посвященное славе Божией.

Что же? Не болит у вас сердце, если эти бродяги мучат польских ксендзов? Останетесь ли вы равнодушными к этому? Вас это не возмущает? Разве в жилах ваших течет не польская кровь? Разве вы не поляки? Что ж вы не отвечаете на это? Разве вы не соединитесь теперь с нами для общей защиты отечества? Разве не отомстите москалям за преступления, которые они делают в Польше? Разве это не справедливая причина воспламениться мезтью и выгнать отсюда москалей? ... Поднимите же теперь руки вверх, присягните здесь же, что вы будете защищать свое отечество и выгоните из него с позором неприятеля и врага нашей свободы! Ну, что же? Неужели я напрасно надсаживаю для вас свою грудь? Жду вашего ответа! (*Все присягнули*). Ну, хорошо! Да благословит вас Бог навеки!»⁵¹.

В пастырском служении политизированных ксендзов церковная проповедь становилась мощным инструментом политической пропаганды, способной глубоко воздействовать на коллективное сознание, психику и поведение прихожан. Целью церковно-патриотической риторики, в которой факты и вымысел составляли фабулу мифологических сюжетов, являлось формирование коллективной религиозной и политической мотивации для участия в антиправительственном вооруженном восстании. Суггестивное воздействие проповеди на чувства и эмоции прихожан усиливалось благодаря иррациональному доверию к авторитету священного сана, а также императивностью внушаемой политической цели. Призывы к массовому вооруженному выступлению произносились в сакральном пространстве костела, который целенаправленно превращался в центр пропаганды религиозной нетерпимости и политического экстремизма. Используемая в проповеди прямая апелляция к национальным и патриотическим ценностям прихожан сопрягалась с риторическими приемами возбуждения ненависти и презрения к врагу польской свободы – «москалю».

Помимо церковной проповеди, используемой в целях политической пропаганды восстания, римско-католическое духовенство прибегало к созданию «воззваний», обращенных к бывшим униатам Северо-Западного края. Политической целью этих воззваний являлось расширение социальной базы восстания за счет западно-русских православных, воссоединенных от унии на Полоцком соборе 1839 г.

⁵¹ Архивные материалы Муравьевского музея. Вильна, 1913. Ч. 1. С. 29–30, 34.

Характерным примером профессиональной политической пропаганды, созданной в церковной среде для внешнего употребления, стало «воззвание» униатского духовенства Царства Польского к православному духовенству Белоруссии и Литвы. В этом политическом воззвании используются церковные мотивы спасения души, вероотступничества и грядущего возмездия за грех обращения в «схизму». Православным священникам, как отступникам от истинной униатской веры, авторы воззвания грозили адскими муками, если те не одумаются и не встанут на защиту «святой католической веры и нашего отечества – Польши».

«Братья во Христе, священники, бывшие униаты! – говорилось в этом воззвании – Вы, будучи униатами, учили нас, а ныне мы, по обязанности христианской, пишем к вам, уведомляя, что приближается время, когда святая униатская вера снова получит те самые права, которые имела прежде. Вы согрешили, братья, помните, что вас ожидает наказание, вы, устрасаясь мучений, отреклись от святой веры.

Ах! Братья, мы в Польше отстояли свою веру и до сих пор храним ее; не устрашили нас цепи, Сибирь, тюрьма и другие мучения. О, восстаньте от грехов, опомнитесь, вы рождены вашими матерями полячками, которые вас питали своей грудью, проводили беспокойные ночи над вами, чтобы воспитать в вас сынов отечества и добродетельных пастырей народа.

Но как вы учите, какие говорите проповеди? Вы ложно излагаете учение веры, попираете прах своих отцов, которые страдают в чистилище за ваши грехи, возносят руки к Богу о вашем обращении, вы погубили и донныне губите столько душ, вверенных вам для того, чтобы указать им путь к небу! Что же готовится вашим душам за такие преступления? О, братья! За ничтожные царские деньги вы продали душу дьяволу; о горе вам будет, горе!!»⁵².

Таким образом, и дилетантская пропаганда «красных», и профессиональная проповедь и воззвания служителей Римско-католической церкви были рассчитаны на то, чтобы с помощью религиозно-патриотической риторики привлечь православных (бывших униатов) и римо-католиков к вооруженной борьбе против российского правительства. Русофобский образ «москаля», избранный польской пропагандой в качестве объекта разжигаемой этнополитической и социальной ненависти, был дополнен характерными «схизматическими» характеристиками. Теперь православный «москаль» был представлен ксендзами либо в роли презренного отступника, предавшего «коренную униатскую веру», либо нечестивого гонителя

⁵² Архивные материалы Муравьевского музея. Вильна, 1913. Ч. 1. С. 47–48.

истинной католической веры, которую необходимо было защищать с оружием в руках.

Следовательно, речь шла о таких действиях по управлению паствой, которые явно выходили за рамки духовной дисциплины Римско-католической церкви и служили целям сугубо светским, а с точки зрения российского закона – откровенно преступным. Авторитет и сила духовной власти, священные действия и церковное слово духовенства целенаправленно использовались для максимального вовлечения католического населения в восстание и придания вооруженной борьбе с православной Россией сакрального статуса «священной войны»⁵³. Поэтому религиозно-политическая пропаганда ксендзов, особенно в Ковенской губернии, имела больший мобилизационный эффект, чем пропагандистские усилия светских участников восстания⁵⁴.

«Преступление и наказание». Администрация М.Н. Муравьева и ксендзы, преступившие закон

М.Н. Муравьев, вступив в апреле 1863 г. в должность виленского генерал-губернатора, своевременно оценил особую политическую и пропагандистскую роль католического клира в организации восстания и расширении его социальной базы среди населения Северо-Западного края. Предпринятые М.Н. Муравьевым меры судебного и административного характера оказались достаточно эффективными и адекватными той реальной политической угрозе, которая исходила от действий антиправительственно настроенной части римско-католического духовенства.

Пропаганда идеологии вооруженного мятежа и эффективные методы клерикально-патриотической мобилизации повстанцев вызвали ответную реакцию администрации Северо-Западного края. Участие ксендзов и монашествующих в вооруженной борьбе в качестве идеологов, организаторов и руководителей восстания, повлекло за собой аресты, ссылки и казни

⁵³ Архивные материалы Муравьевского музея. Вильна, 1915. Ч. 2. С. LVII, LXI.

⁵⁴ *Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России... С. 250; Подтверждением эффективности пропагандистской деятельности ксендзов служит следующий факт. В Ковенской губернии повстанческий отряд под командованием С. Сераковского в апреле 1863 г. занял местечко Понедель. Здесь вел службу находившийся в отряде ксендз. “Проповедовал о восстании. Так как в этот день в м. Понедель был базарный день, то народу в костеле собралось очень много, из числа которых до 100 человек присоединились к мятежу”. См.: Виленский вестник. 11 мая 1863 г.

духовных лиц, виновных в государственных преступлениях, закрытие ряда монастырей и сотен костелов и часовен⁵⁵.

В соответствии с действующим законодательством повстанцы не признавались воюющей стороной, так как де-юре они являлись подданными Российской империи, принесшими присягу на верность российскому императору. Поэтому повстанцы рассматривались как государственные преступники, нарушившие присягу и поднявшие вооруженный мятеж против законного правительства.

Под эту категорию государственных преступников попадали ксендзы и монашествующие, принявшие участие в восстании. Их особая, идеологическая и мобилизующая роль в организации и ходе вооруженного мятежа не могли остаться юридически безнаказанными. Совершенные этими лицами уголовные преступления – измена присяге и нарушение государственных законов – потребовали от правительства принятия к духовенству таких же правовых и административных мер, которые применялись к светским участникам восстания⁵⁶.

Военно-полевые суды рассматривали дела духовных лиц, обвиняемых в нарушениях государственных законов, устанавливали уголовно-правовой состав преступления, определяли степень вины подсудимых и затем выносили приговоры, соответствующие тяжести совершенных проступков.

Процедура осуждения ксендзов и монашествующих осуществлялась на основании законов, действовавших в условиях введенного в крае военного положения. Кроме того, ксендзов, признанных виновными в тяжких государственных преступлениях, по приговору военного суда лишали духовного сана и всех прав состояния, то есть сословных привилегий. Утвержденные приговоры суда о лишении духовного сана направлялись в римско-католические консистории для принятия соответствующего канонического решения⁵⁷.

Шестеро ксендзов, осужденных за чтение в костелах антиправительственного манифеста и активное участие в мятеже, были публично рас-

⁵⁵ В пяти губерниях Северо-Западного края с 1864 г. по 1869 г. были закрыты 377 костелов, монастырей и каплиц. См.: *Сталюнас Д.* Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuvių katalikų moksloakademijos*. Vilnius. 2005. *Metraštis XXVI*. С. 331; Данные об этом имеются также в: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 946. Л. 1–29; Там же. Оп. 1866. Д. 46. Л. 11–12, 18, 19, 33, 50; Там же. Оп. 1869. Д. 946. Л. 1–29; Там же. Ф. 604. Оп. 5. Д. 329. Л. 59; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 4 об.

⁵⁶ *Цылов Н.* Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 210–215.

⁵⁷ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 310. Л. 7–8; Там же. Ф. 604. Оп. 5. Д. 383. Л. 1–4; Там же. Ф. 604. Оп. 5. Д. 452. Л. 1–3.

стреляны, а ксендз А. Мацкевич повешен. Более полутора сотни ксендзов и монашествующих были отправлены на каторгу и в ссылку⁵⁸. Виленский римско-католический епископ А. Красинский, сочувствовавший восстанию, был выслан в Вятку.

Осуждение преступивших закон носителей священного сана вызвало различные отклики в западно-европейской прессе. В адрес М.Н. Муравьева поступали многочисленные обвинения в азиатской жестокости, якобы проявляемой к участникам освободительного польского восстания⁵⁹. Однако среди представителей западной прессы были журналисты, которые пытались дать объективную оценку ответным карательным действиям муравьевской администрации.

Так, корреспондент газеты «Morning-Herald», посетивший Вильну летом 1863 г., выносил на суд английских читателей вопрос об отношении к ксендзам, осужденным за участие в мятеже: «Никакого приговора к смертной казни или к ссылке в каторжную работу не последовало без предварительной сентенции законным образом учрежденных военно-судных комиссий и произнесения над виновными состоявшегося приговора. Поступки, противные призванию служителей алтаря, лишают их покровительства законов. С церковных кафедр, с которых возвещаются слова мира и любви, ксендзы проповедовали мятеж. Именем Бога всемогущего вооружалась рука верующего, преклоняющегося перед Его святыней, на совершение злодейств ради дела, которому давалось название религии. Ксендзы на самих алтарях принимали присяги, возлагавшие на христиан обязанность совершать самые гнусные политические преступления. Подобные люди мученики или предатели? Должны ли мы оплакивать их участь или же они подверглись заслуженному наказанию?»⁶⁰.

Предпринятые меры против мятежных ксендзов окончательно рассеяли иллюзии духовенства о собственной безнаказанности и похоронили его надежды на то, что священный сан является надежной защитой от уголовного наказания за совершенные преступления. От духовенства, сохранявшего внешнюю политическую лояльность, М.Н. Муравьев потребовал, в свою очередь, публичного заявления о верности российской монархии, осуждения мятежников и призыва к последним воспользоваться милосердием правительства и прекратить вооруженное сопротивление⁶¹.

⁵⁸ Восстание в Литве и Белоруссии... С. 95–98.

⁵⁹ Виленский вестник. 20 июня 1863 г.

⁶⁰ Там же. 24 августа 1863 г.

⁶¹ Виленский вестник. 12 сентября 1863 г.; Виленский вестник. 19 сентября 1863 г.; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 1467. Л. 14–15, 50–52; Там же. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1569.

Римско-католическое духовенство Северо-Западного края вынуждено было смириться перед властной политической волей виленского генерал-губернатора. В сентябре 1863 г. духовные руководители виленской римско-католической диоцезии обратились к мятежным ксендзам и мирянам с призывом воспользоваться объявленной амнистией и поступать в отношении Российского государства и его законов согласно учению Римско-католической церкви. «Поспешайте воспользоваться предлагаемой вам милостью, – говорилось в этом послании, – этого требует не только общее ваше и родных ваших благо, но вместе с тем это есть и прямая ваша обязанность, которую возлагает на вас наша святая Религия, ибо она, указуя, что всякая власть происходит от Бога, вместе с тем повелевает уважать ее, почитать и ей повиноваться. Исполняйте затем святые ее приказания, возвращайтесь немедленно к спокойным трудам вседневных ваших занятий и горячо молитесь за нашего августейшего императора всероссийского Александра II, которому Господь Бог вверил нашу судьбу»⁶².

С призывом покориться власти российского императора обратились к духовенству и пастве своих диоцезов епископ Тельшевский М. Волончевский и епископ Минский А. Войткевич⁶³. В конечном итоге виленский генерал-губернатор добился поставленной цели. Противоправная, радикально-экстремистская деятельность римско-католического клира, выступавшего в роли религиозного катализатора и руководителя восстания, была полностью прекращена.

Выводы

События польского восстания 1863 г. в Северо-Западном крае Российской империи показали впечатляющую политическую силу римско-католического духовенства, его способность использовать иррациональное доверие паствы и свою каноническую власть над ней с целью подготовки и организации мятежа, направленного на разрушение Российского государства. Радикально настроенные ксендзы и монашествующие сумели превратить церковное вероучение в мобилизующую идеологию вооруженной борьбы за независимость Польши, продемонстрировав профессиональную способность духовенства формировать религиозную мотивацию для достижения насильственных политических целей. Миряне повиновались их духовной

Л. 6–7; Из записок епископа Красинского // Исторический вестник. 1901. № LXXXVI. С. 646–653.

⁶² Виленский вестник. 19 сентября 1863 г.

⁶³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 1467. Л. 14–15, 50–52.

власти сильнее, нежели власти российского императора. Жестокость, проявляемая мятежниками в терроре против мирных жителей, основывалась на ненависти к «москалю», антиправославный и русофобский образ которого целенаправленно формировался клерикальной и светской пропагандой. Религиозная легитимация, пропаганда и организация вооруженного восстания превратили часть римско-католического клира Северо-Западного края в политического врага Российской империи, сформировав тем самым религиозную составляющую восстания. Ответные меры наказания, применяемые к мятежным представителям духовенства со стороны администрации М.Н. Муравьева, были продиктованы условиями военного положения, необходимостью защиты территориальной целостности государства, охранения жизни и собственности законопослушного населения.

© Бендин А.Ю., 2018

Рукопись поступила: 27 апреля 2018 г.

Для цитирования: Бендин А.Ю. Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том. 17. № 2. С. 357–387. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-357-387

ROLE OF THE ROMAN CATHOLIC CLERGY OF THE NORTHWESTERN KRAI OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1863 POLISH UPRISING

Alexandre Yu. Bendin

Institute of theology Belarusian state University
24, Nezavisimosti Av., Minsk, 220030, Republic of Belarus
bendin26256@yandex.ru

The article considers the problems of forming the religious component of the Polish uprising in 1863 in the Northwestern Krai of the Russian Empire. The author analyzes the peculiarities of the relationship between the Roman Catholic clergy and its laity in the process of the religious mobilization of the participants in the uprising. The article reveals the methods of influence of the radically-minded clergy on the consciousness and political behavior of the laity. There is shown that the spiritual power of the Roman Catholic clergy was used to achieve the political goals of the liberation of Poland. There is estab-

lished the relationship between the religious motivation of the participants in the uprising and the brutality towards the law-abiding population in various forms of insurgent terror and violence. The author comes to the conclusion that radically-minded Roman Catholic priests and monks managed to turn the church doctrine into a mobilizing ideology of the armed struggle. Religious legitimization, propaganda and organization of the armed uprising turned a part of the Roman Catholic clergy of the Northwestern Krai into a political enemy of the Russian Empire. The article deals with the retaliatory measures of punishment applied to the rebellious representatives of the clergy on the part of the administration of M.N. Muravyov, which were caused by the conditions of martial law, the necessity to protect the territorial integrity of the state, to protect the lives and property of law-abiding citizens. In this regard, the Russian government, army, society and the Orthodox population of Lithuania and Belarus perceived the uprising as an attempt on the part of the Polish separatists on the ancestral Russian territory. Therefore, for the Russian side, the goals of the armed struggle were not the return of the Polish land, but the morally justified protection of the Russian land and the Russian people living in the West who had the same faith. In this regard, the author comes to the conclusion that in the process of preparing and carrying out the uprising, some of the Roman Catholic clergy of the Northwestern Krai acted as a political enemy of the Russian Empire.

Keywords: Polish-Catholic elite, Roman catholic priests, sacred status of the Roman Catholic clergy, M.N. Muravyov

REFERENCES

- “Iz zapisok episkopa Krasinskogo.” [From the notes of Bishop Krasinsky] *Istoricheskiy vestnik*, no. LXXXVI, (1901): 646–653 (in Russian).
- Pyatidesyatiletie (1839–1889) vossoedineniya s Pravoslavnoy cerkov'yu zapadno-russkikh uniatov: sobornye dejaniya i torzhestvennye sluzheniya v 1839 godu* [The fiftieth anniversary (1839–1889) of reunification with the Orthodox Church of the Western Russian Uniates: conciliar acts and solemn services in 1839]. St. Peterburg: [S.n.], 1889 (in Russian).
- “Vsepoddannejshiy otchet grafa M. N. Murav'eva po upravleniju Severo-Zapadnym kraem (s 1 maya 1863 g. po 17 aprelya 1865 g.)” [Report of count M. N. Muravyov management North-West region (from 1 May 1863 till 17 April 1865)] *Russkaya starina* [Russian olden time], no. 6 (1902): 487–510 (in Russian).
- Ayrapetov, O.R. “Carstvo Pol'skoe v politike imperii v 1863–1864 gg.” [Kingdom of Poland in the politics of the Empire in 1863–1864] In *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection: Research on the history of Russia], 505–509. Vol. 14. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2013 (in Russian).
- Antanovich, Z.V. “U barac'be za veru: Paŭstanne 1863–1864 gg. u ljose ksmandza Antonija Pshyjalgoŭskaga.” [Fighting for the faith: the Uprising of 1863–1864 in the fate of the priest Anthony Prialgaukas] *Arche*, no. 12 (2010): 95–98 (in Belarusian).

- Antanovich, Z., and Garbachova, V. “Paŭstanne 1863–1864 gg. u ljose rymaska-katalickaga svjatarstva Belarusi.” [The uprising of 1863–1864 the fate of the Roman Catholic priesthood Belarus] *Arche*, no. 12 (2010): 186–202 (in Belarusian).
- Baykova, S.M. “O dvizhushhiih silah vosstanija 1863 g. na territorii Belorussii.” [On the driving forces of the uprising in 1863 in Belarus] *Istoriko-sociologicheskie issledovanija (na materialah slavyanskiih stran)* [Historical and sociological research (on the materials of Slavic countries)], 224–237. Moscow: Nauka Publ., 1970 (in Russian).
- Beleckiy, A.V. *Rimsko-katolicheskie eparhial'nye seminarii: Vilenskaja i Tel'shevskaja* [Roman Catholic diocesan Seminary, Vilna and Telishevskaja]. Vilna: Svyato-duhovnogo pravoslavnogo bratstva Press, 1887 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. *Mihail Murav'ev-Vilenskij: usmiritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraja Rossijskoy imperii* [Mikhail Muravyov-Vilensky: pacifier and reformer of the North-Western region of the Russian Empire]. Moscow: Knizhnyy Mir Publ., 2017 (in Russian).
- Bryancev, P.D. *Pol'skiy myatezh 1863 g.* [The Polish revolt of 1863]. Vilna: A.G. Syrkin's Press, 1892 (in Russian).
- Gilferding, A.F. “V chem iskat' razreshenie pol'skomu voprosu.” [What to look for a solution to the Polish issue] *Sbornik statej, razjasnjajushhiih pol'skoe delo po otnosheniju k Zapadnoj Rossii* [Collection of articles explaining the Polish case in relation to Western Russia], 29–36. Vol. 1. Vilna: S. Sholkovich, 1885 (in Russian).
- Iz bumag grafa M.N. Murav'eva* [From papers of count M. N. Muravyov]. St. Peterburg: M.M. Stasyulevich Press, 1898 (in Russian).
- Janoŭskaja, V.V. *Hryscijanskaja carkva ŭ Belarusi. 1863–1914 gg.* Minsk: Belarusian state University Publ., 2002 (in Belarusian).
- Janoŭskaja, V. “Hryscijanskaje duhavenstva Belarusi ŭ paŭstanni 1863–1864 gg.: gistaryjagrafija prablemy.” [Christian clergy of Belarus in the uprising of 1863–1864: historiography of the problem] *Arche*, no. 12, (2010): 269–283 (in Belarusian).
- Karpovich, O.V. “Repressii v otnoshenii uchastnikov vosstanija 1863–1864 gg.: pravda i vymysly.” [Repressions against the participants of the uprising of 1863–1864: truth and fiction] *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, no. 6, (2011): 33–35 (in Russian).
- “Uchastie duhovenstva v povstancheskom dvizhenii na belorusskiih zemljah v 1863 g.” [Participation of the clergy in the insurgency in the Belarusian lands in 1863] In *Hryscijanstva w gistarychnym lese belaruskaga naroda: zb. navuk. art.* [Christianity in the historical fate of the Belarusian people], 116–119. Belarussia: State University of Grodno Press, 2008 (in Russian).
- Katehizis Katolicheskoj cerkvi. Kompedium* [Catechism of the Catholic Church. Compendium]. Moscow: Kul'turny centr “Duhovnaya biblioteka” Publ., 2007 (in Russian).
- Komzolova, A.A. *Politika samodержavija v Severo-Zapadnom krae v jepohu Velikih reform* [Autocracy Policy in the North-Western region in the era of Great reforms]. Moscow: Nauka Publ., 2005 (in Russian).

- Lyaskovskiy, A.I. *Litva i Belorussija v vosstanii 1863 g. (po novym arhivnym materialam)* [Lithuania and Belarus in the uprising of 1863 (new archival materials)]. Berlin: Arzamas Publ., 1939 (in Russian).
- Milovidov, A.I., ed. *Arhivnye materialy Murav'evskogo muzeya, otnosyashhiesya k pol'skomu vosstaniyu 1863–1864 gg. v predelah Severo-Zapadnogo kraja* [Archival materials of the Muravyov Museum related to the Polish uprising of 1863–1864 in the North-Western region]. Vol. 1. Vilna: Murav'yovskiy muzey Publ., 1913 (in Russian).
- , ed. *Arhivnye materialy Murav'evskogo muzeja, odnosyashhiesja k pol'skomu vosstaniyu 1863–1864 gg. v predelah Severo-Zapadnogo kraja* [Archival materials of the Muravyov Museum related to the Polish uprising of 1863–1864 in the North-Western region]. Vol. 2. Vilna: Murav'yovskiy muzey, 1915 (in Russian).
- Mosolov, A.N. *Vilenskie ocherki. 1863–1865 gg.: (Murav'evskoe vremja)* [Vilna essays. 1863–1865 gg.: (Ant time)]. St. Peterburg: A.S. Suvorin Press, 1898 (in Russian).
- Murav'ev, M.N. “Zapiski ego ob upravlenii Severo-Zapadnym kraem i ob usmirenii v nem myatezha. 1863–1866 gg.” [His notes on the management of the North-Western region and the pacification of the rebellion in it. 1863–1866] *Russkaya starina* [Russian antiquity], no. 11, (1882): 387–432 (in Russian).
- *Sbornik rasporyazheniy grafa M.N. Murav'eva po usmireniju pol'skogo myatezha v Severo-Zapadnyh guberniyah* [A collection of the orders of the count Mikhail Nikolayevich Muraviev in the pacification of the Polish rebellion in the North-Western provinces 1863–1864]. Vilna: A.K. Kirkora i br. Rommov Press, 1866 (in Russian).
- Narys gistoryi Pol'skaj Dzjarzhavy i Naroda* [Essay on the history of the Polish State and Nation]. Worsow: Demart Sp., 2005 (in Polish).
- Nikulina, I.N. *Religiya i politicheskie ssyl'nye v Zapadnoy Sibiri v XIX v.: 20-e – pervaya polovina 70-h gg.* Ph.D. diss., Altai state university, 2006 (in Russian).
- Orlovskiy, E. *Graf M.N. Murav'ev kak deyatel' nad ukrepleniem prav russkoy narodnosti v Grodnenskoj gubernii 1831–1835 i 1863–1865 gg.* [Count M.N. Murav'ev as a figure on strengthening the rights of the Russian people in the Grodno province 1831–1835 and 1863–1865]. Grodno: Grodnenskoe pravoslavnoe Sofiyskoye bratstvo Publ., 1898 (in Russian).
- “Osnovnye gosudarstvennye zakony.” [Basic state laws]. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Peterburg: Pechat' graficheskogo instituta Br. Lukshevic Publ., 1857 (in Russian).
- Prudon, P. “O pol'skom voprose.” [About the Polish question] *Sbornik statey, razyasnyayushhih pol'skoe delo po otnosheniju k Zapadnoj Rossii* [Collection of articles explaining the Polish case in relation to Western Russia], 115–127. Vol. 1. Vilno: S. Sholkovich, 1885 (in Russian).
- Ratch, V.F. *Svedeniya o pol'skom myatezhe v Severo-Zapadnoy Rossii* [Information about the Polish rebellion in North-Western Russia]. Vol. 1. Vilno: Gubernskoe pravlenie's Press, 1867 (in Russian).

- Revoluciononnyy podem v Litve i Belorussii* [Revolutionary rise in Lithuania and Belarus]. Moscow, Wroclav: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Ronin, V.K. “Russkaya publicistika v Bel’gii v seredine XIX veka.” [Russian journalism in Belgium in the mid-19th century] *Slavyanovedenie*, no 4, (1993): 4–13 (in Russian).
- Rusin. “Golos Russkogo. Otvet «ksendzu-rusinu».” [The Voice of the Russian. The answer is ‘the priest-Rusin’] In *Vestnik Jugo-Zapadnoj i Zapadnoy Rossii*, 25–31. Vol. 4. Kiev: [S.n.], 1864 (in Russian).
- Shheglov, G. (deacon). “Zhertvy pol’skogo vosstaniya 1863–1864 godov.” [Victims of the Polish uprising of 1863–1864] In Ayrapetov, O.R., Jovanovich, Miroslav, Kolerov, M.A., Menning Bryus, and Cheysti, Pol, eds. *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection: Research on the history of Russia], 224–246. Vol. 15. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2013 (in Russian).
- Shirokorad, A.B. *Rossiya – Angliya: neizvestnaya vojna, 1857–1907* [Russia-England: unknown war, 1857–1907]. Moscow: AST Publ., 2003 (in Russian).
- Sidorov, A.A. *Pol’skoe vosstanie 1863 goda. Istoricheskiy ocherk* [The Polish uprising of 1863. Historical essay]. St. Peterburg: Nobel’ Press, 1903 (in Russian).
- Staliunas, D. “Imperial Government and Mass Confessional Change in the Western Borderlands of the Russian Empire.” In *Imperial Victims*, 227–236. Warsaw: Instytut Historii RAN Publ., 2010.
- Teslya, A.A. “«Pol’skiy vopros» v peredovicah M.N. Katkova v «Moskovskih vedomostyah» v 1863 g.” [‘Polish question’ in the editorials Mn. Katkova in the ‘Moskovskie vedomosti’ in 1863] *Uchenye zametki TOGU*, no. 2, (2011): 92–93 (in Russian).
- Turceвич, Ar. *Kratkiy ocherk zhizni i deyatel’nosti grafa M.N. Murav’eva* [A brief sketch of the life and work of count M.N. Muravyov]. Vilna: [S.n.], 1898 (in Russian).
- Vilenski Vestnik, 12 February, 1863.
- Vilenski Vestnik, May 11, 1863.
- Vilenski Vestnik, May 23, 1863.
- Vilenski Vestnik, June 20, 1863.
- Vilenski Vestnik, June 8, 1863.
- Vilenski Vestnik, August 24, 1863.
- Vilenski Vestnik, August 29, 1863.
- Vilenski Vestnik, September 10, 1863.
- Vilenski Vestnik, September 12, 1863.
- Vilenski Vestnik, September 19, 1863.
- Vilenski Vestnik, September 24, 1863.
- Zaycev, V.M. *Social’no-soslovnnyy sostav uchastnikov vosstaniya 1863 g. (opyt statisticheskogo analiza)* [Social class composition of the participants of the uprising of 1863 (experience of statistical analysis)]. Moscow: Nauka Publ., 1973 (in Russian).
- Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoy Akademiej nauk po zaveshhaniju avtora* [Notes of Joseph the Metropolitan of Lithuania, published by the Imperial Academy of Sciences under the will of the author]. Vol. 1. St. Peterburg: Akademiya nauk Press, 1883 (in Russian).

Archives

Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federacii [State archive of the Russian Federation], f. 811, op. 1, d. 67.

Litovskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Lithuanian state historical archive] (thereafter – LGIA), f. 378 (Politicheskoe otdelenie), op. 1869, d. 946.

LGIA, f. 378, op. 1866, d. 46.

LGIA, f. 439, op. 1, d. 12.

LGIA, f. 604, op. 5, d. 310.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian state historical archive], f. 821, op. 10, d. 64.

Submitted: 27 April 2018

For citation: Bendin, Alexandre Yu. “Role of the Roman Catholic clergy of the North-western Krai of the Russian Empire in the 1863 polish uprising.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 357–387. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-357-387